Глава 4

Массингилл подождала, пока дверь за Лонгом не закроется. Затем, включив камеру наблюдения в своей приемной, она кивнула Функу.

"Вольно, помощник наводчика," - сказала она. "Давайте послушаем вашу версию этого."

"Мою версию, мэм?" - спросил Функ, хмурясь и вставая вольно.

"Почему вы не думаете, что Лонг украл печенье," - сказала Массингилл, краем глаза наблюдая за монитором. Там не было ничего ценного, и никакие конфиденциальные данные не были доступны на любом из компьютеров. Но Лонг не знал этого. А закоренелый, или даже незакоренелый вор , должен был оглядеться вокруг из глубинных, рефлекторных принципов, в надежде получить напоследок утешительный приз.

Но Лонг не делал ничего подобного. Он встал вольно рядом с дверью кабинета и стоял лицом и взглядом обратясь прямо вперёд.

И казалось, он сдерживает слезы.

"Я никогда не говорил, что он не крал печенье, мэм," - запротестовал Функ. "На данный момент я не знаю ничего, кроме того, что он признался в преступлении."

"Я знаю это," - сказала Массингилл. "Я также знаю, что, описывая инцидент, вы необычно часто для вас использовали выражения: он сказал и мне сказали. Это не похоже на человека, который верит тому, что слышит."

Губы Функа скривились.

"Нет, мэм, я не верю," - сказал он неохотно. "Он врет ловко, но я сомневаюсь, что кто-нибудь сможет сделать что-то подобное один. И я знаю, что это печенье не предназначено Лонгу."

"Плата за что-то?"

"Скорее всего, дополнительный корм для сфинксианского пищевода," - сказал Функ. "Рекрут Чарльз Таунсенд. Он пытался стащить себе дополнительную еду с тех пор, как попал в сюда."

Массингилл почувствовала, как скривились ее губы, заметив тон помощника наводчика. Так Функ тоже не слишком одобрял мозговой штурм Учебного Командования, не так ли?

"И кто-то специально для него украл немного печенья?" - спросила она.

"Более чем немного, мэм," - сказал Функ. "Эта записка из Подразделения Питания два дня назад довольно хорошо показывает, что воровство продолжается по крайней мере пару недель."

"И вы не думаете, что Лонг достаточно умен, чтобы совершать долгосрочное преступление?"

"О, он достаточно умен," - сказал Функ. "Но он также этичный, следующий правилам тип. Если он вообще вовлечен, он с самого края. Скорее всего, он просто наткнулся на это и изображает героя, чтобы прикрыть настоящих воров."

"Возможно," - сказала Массингилл. На мониторе Лонг все еще ждал в положении вольно. В ожидании судьбы, которую приготовило для него будущее.

Его судьба не была полностью в руках Массингилл. Удачно, что хотя бы ее часть.

"Очень хорошо," - сказала она. "Верните его в казарму. Начальник лагерной полиции пошлет аэрокар, чтобы забрать его для дачи показаний завтра в девять-ноль-ноль - убедитесь, что он готов. Предполагая, что Королевский Прокурор имеет мозги, он разберется с чушью Коркорана и отправит его обратно, напишите рапорт о сегодняшнем происшествии и дайте ему дополнительный наряд на десять часов."

"Да, мэм." Функ казался немного... недовольным, отметила Массингилл. Стандартное уставное наказание за кражу еды было значительно более жестким, чем это, и помощник наводчика, как правило, не одобрял сокращения в пользу своих новобранцев за что-то подобное. Хотя в этом случае...

"Вы также можете конфисковать печенье, если оно все еще там," - продолжила Массингилл. "Хотя я на самом деле этого не ожидаю. Свободны."

"Да, мэм." Сделав поворот кругом, вдвое более четкий, чем у Лонга, Функ подошел к двери и вышел из кабинета. Массингилл наблюдала на мониторе, как он забрал Лонга, они вышли из кабинета и направились в ночь.

И затем, бормоча древнее французское проклятие, которое она когда-то услышала и запомнила только потому, что ей понравилось его звучание, она порылась в нижнем ящике стола и вытащила полупустую бутылку скотча.

Будь они все прокляты, подумала она кисло, наливая себе высокий стакан. Будь прокляты неэффективные аристократы и карьеристы, управляющие КФМ. Будь прокляты офицеры среднего ранга, многие из которых, казалось, просто развлекались на службе. И особенно будь проклята специфическая группа идиотов в парламенте - и офицеры, готовые пойти вместе с ними, - которые, казалось, думали, что задача военных состоит в том, чтобы служить чашкой Петри для их собственных социальных экспериментов с домашними животными.

Особенно таких безумных социальных экспериментов, как этот.

Директива, пришедшая от капитана Александра Колдекотта два месяца назад, была столь же подробной, сколь и сверхсекретной, и Массингилл удивлялась, почему она такая секретная. Колдекотт был штабным идиотом наихудшего из возможных вариантов: того, который никогда не был на службе, никогда не командовал действующим оперативным подразделением, но полагал, что точно знает, как эти неандертальцы - полевые офицеры - должны выполнять свою работу. Хуже того, у него были такие высокие семейные связи - в его случае, с бароном Желтого Дуба - что было опасно возражать ему. Что еще хуже, его двоюродный брат барон - и сам Калдекотт, если на то пошло - имели трогательную детскую веру в академический анализ, сформированный мужчинами и женщинами с еще меньшим опытом реальной военной службы, чем у него самого. И что хуже всего, в настоящее время он занимал в Бюро по Кадрам пост Офицера по Планированию подготовки новобранцев, что поставило его на место, которое позволило продемонстрировать действительно бездонную глубину его идиотизма.

Всем новобранцам выделялось одинаковое количество еды. Это был приказ. Даже сфинксианцам, несмотря на то, что их более мощная мускулатура - не говоря уже об усиленном метаболизме у многих недавних иммигрантов - требовала больше, чем среднее количество калорий. Снижение потребление калорий новобранцем ниже уровня устойчивости, что и происходило со сфинксианцами, намеренно доводило тело новобранца до истощения. Так нельзя было делать, и Массингилл опротестовала приказ, когда он вышел.

Безуспешно. Вполне возможно, что Колдекотт, чья семья жила на Мантикоре, а не на Сфинксе, и, следовательно, который имел мало личного опыта работы с джинни в целом, не знал о последствиях генетических изменений для высокой гравитации. Не то, чтобы его невежество улучшало ситуацию. Он, черт побери, должен был это понять, и если бы он был хоть на четверть таким умным, каким он явно себя воображал, он бы провел хотя бы небольшое исследование прежде, чем приложить свое великолепие к несчастным рекрутам Массингилл.

К сожалению, он этого не сделал. Или может быть сделал, и в этом случае полковник хотела провести несколько минут наедине с ним в подходящей темной аллее.

Теория, лежащая в основе вышеупомянутого великолепия, заключалась в том, что каждый взвод будет замечать проблему и сплачиваться вокруг своих членов, а те, у кого меньше потребностей, добровольно отдадут пищу тем, кто нуждается в большем количестве. В директиве красноречиво говорилось о том, что это будет идеальный способ цементировать каждое подразделение, и что это будет намного лучше, чем традиционный подход - класть новобранцев в грязь и создавать единство из универсальной ненависти к командирам взводов и инструкторам тренировок. Некоторые типы, без сомнения живущие в башнях из слоновой кости - Массингилл не удосужилась прочитать исследование, на которое ссылались, поэтому она точно не знала - пришли к выводу, что это создаст лучшую сплоченность и будет менее вредным для нежной психики новобранцев, и Колдекотт купился на это.

К сожалению, гении не смогли оценить три незначительных момента. Во-первых, никто в тренировочном лагере не чувствовал, что он или она получает достаточно еды, особенно при таком изнурительном физическом режиме, что делало их не склонными делиться питанием, которого жаждут их утомленные тела. Во-вторых, сфинксиане - особенно генетически модифицированные - действительно не получали достаточно еды. И третье, очевидный способ утолить голод состоял в том, чтобы просто украсть чертову жратву.

На одном уровне Массингилл должна была признать, что схема работала. Трэвис Урия Лонг, очевидно стойкий и этичный приверженец правил, либо сам крал еду для голодного товарища, либо лгал об этом, чтобы защитить истинных воров в своем взводе. Сплоченность подразделения, все в порядке, все в лучшем виде.

В Едином Кодексе Поведения перечислялось необходимое наказание за преступление Лонга. Но последнее слово было за Массингилл, и она ни в коем случае не собиралась обрушить все на парня за это. Не тогда, когда Колдекотт фактически подорвал всю основу наказания этим сумасшедшим социальным экспериментом. Не тогда, когда мотив преступления состоял в том, чтобы помочь голодающему товарищу самым эффективным способом, который позволил ему идиот, стоявший за этим экспериментом. Особенно когда не было никакого способа доказать, что Лонг даже совершил преступление, и все указывало на то, что он просто защищал своих товарищей.

Они были сплоченными, все правильно. Сплоченной шайкой воров.

Массингилл задумчиво глотнула свой скотч. Десять лет назад, когда она и ее муж Элвис были привлечены из Солнечной Лиги, чтобы помочь в подготовке недавно сформированного Королевского Мантикорского корпуса морской пехоты, все вербовщики светились похвалами и обещаниями.

И какое-то время дела шли хорошо. Были и другие ветераны морской пехоты, которые были вовлечены в процесс, не все из Лиги, не все они были способны найти свои задницы с помощью спутника с оптикой высокого разрешения. Мантикорцы, которые до реорганизации находились

в первоначальных флотских силах морской пехоты, также имели свои идеи о том, как что-то делать, большинство из которых варьировались от странных до совершенно неправильных. Но работа была интересной, новобранцы были достаточно обучаемы, и повышения продолжались. Их долг, как субсидируемых иммигрантов был погашен, и она и Элвис устроились в том, что, как они ожидали, будет долгосрочным.

Но за последние пару лет их энтузиазм постепенно, но неуклонно угасал. Элвису была обещана работа над парой амбициозных проектов по переоснащению кораблей, но оба сейчас затормозились, а без них обширный опыт Элвиса в инженерном деле и работе на верфях терялся впустую. Сама Массингилл была перемещена на должность командующего в Кейси-Роузвуд, но обнаружила, что политика здесь была даже хуже, чем в самом флоте, благодаря вмешательству таких идиотов, как Колдекотт, чьи политические связи давали им возможность нанести реальный ущерб.

Внезапно она одним глотком выпила оставшееся виски. Она знала, что социальные эксперименты будут продолжаться пока Колдекотты их будут проводить. Но этот конкретный эксперимент закончится. Прямо сейчас.

Она вытащила свой уни-линк и включила его в режим общих приказов.

"Для всего персонала столовой," - сказала она. "Все предыдущие ограничения на порции еды отменяются. С этого момента новобранцы, командиры, инструкторы и офицеры могут иметь столько еды, сколько хотят. Любые вопросы по этому приказу направляйте ко мне."

Она отключилась с фырканьем. Вряд ли Колдекотт или его коллеги - офицеры высшего политического эшелона согласятся с этим. Бог знает, до чего в конце концов дойдут идиоты, которые сидят в парламенте - годами они хотели превратить флот в нечто большее, чем расширение флота МПСС Брэкуотера, и в то же время они были готовы позволить идиотизм вроде схемы Колдекотта. Они не были бы очень счастливы, если бы кто-то указал им на их идиотизм, и, несмотря на то, что аристократическая иерархия Звездного Королевства была такой молодой, ее обитатели уже научились задействовать систему, если кто-то разозлит их.

Ну и черт с ними. Пусть первый лорд Казенестро выгонит ее из Кейси-Роузвуд, если захочет. Она и Элвис могли найти гражданские работу и оставить этот беспорядок позади.

Потому что у звездной нации может быть боевой флот, системные патрульно-спасательные силы или место для социальных экспериментов. Нельзя иметь все вместе.

Снаружи были опасные люди. Их было гораздо больше, чем казалось мантикорцам. До сих пор Звездное Королевство избегало их внимания, но это изменится. Рано или поздно это изменится.

Она могла только надеяться, что король Майкл и его шизофренический парламент решат, чего они хотят от своего флота, до того, как это произойдет.

* * *

Приближалось время отбоя, когда Трэвиса отвели на встречу с полковником Массингилл, а к тому времени, когда свирепо смотрящий Функ отпустил его и ушел, большинство остальных новобранцев уже были в своих койках. Пытаясь не обращать внимания на глаза, которые, как он чувствовал, молча наблюдают за ним в темноте, Трэвис направился к своему шкафчику, чтобы начать собственную подготовку ко сну.

Там он обнаружил, что Чавка оставил ему печенье.

Возможно как благодарность. Более вероятно, как подарок авансом.

Поскольку самым разумным предположением было, что Трэвис не вернется после заседания суда, на котором, как сказал Функ, Трэвис будет присутствовать утром. И даже если суд отпустит его, не было никакой гарантии, что правосудие КФМ последует его примеру. По правилам за кражу продовольствия положено наказание до трех ночей в карцере и пятьдесят часов нарядов вне очереди, что само по себе было довольно плохо.

Но те же самые правила давали командующему много возможностей при назначении этого наказания. Если Массингилл решит привести его в пример, он может оказаться с позором уволенным к обеду.

Первый признак того, что все может быть не так плохо, как он боялся, появился за завтраком. Он и остальные прибыв в столовую, увидели новое объявление, информирующее новобранцев о том, что размер порций больше не ограничен.

Этим утром, заметил Трэвис, Чавка подходил к раздаче три раза.

Следующим сюрпризом стало то, что в восемь тридцать Функ забрал его из класса и отвел в пустую комнату в здании штаб-квартиры. Новобранцам еще не выдали парадную форму, по-видимому, исходя из разумной теории, что каждый мог быть уволен во время обучения, и КФМ не хотел раздавать одежду, которую никогда не наденут. Но ночью кто-то, очевидно, выдал такую форму для Трэвиса. Функ сердито смотрел в стену, пока Тревис не закончил переодеваться, затем проводил его до места посадки и ждал с ним, пока не прибудет аэрокар начальника лагерной полиции, чтобы забрать его.

Ему и его сопровождающим пришлось подождать около комнаты слушаний почти час, прежде чем их наконец вызвали внутрь. К облегчению Трэвиса, это было закрытое заседание, на котором присутствовали только адвокаты и судья. Не было необходимости в неприятной встрече с Басситом или другими из его банды.

Допрос был таким жестким, как и ожидал Трэвис, с адвокатом Бассита, которая делала все возможное, чтобы опорочить его или опровергнуть его историю. Но весь этот вечер был как выгравирован лазером в памяти Трэвиса, и он отвечал на каждый вопрос правдиво и с той же стоической бесстрастностью, которую он научился предъявлять Функу и инструкторам Кейси-Роузвуд.

Он как раз заканчивал, когда прибыл неожиданный свидетель - во всяком случае неожиданный для Трэвиса - его вербовщик в КФМ, лейтенант Блэкстоун, великолепная в своей черной с золотом офицерской форме. Казалось, ее прохладное, осмысленное свидетельство нанесло последний удар усилиям защиты по изображению Трэвиса преступным вдохновителем банды. Когда она закончила, судья, по-видимому, решил, что ему даже не нужно пересматривать показания. Он отклонил ожидающие обвинения против Трэвиса, поблагодарил его и Блэкстоун за потраченное время и приказал им вернуться к своим обязанностям.

Все это вылилось в потерю полудня занятий, и сопровождающий Трэвиса ясно дал понять, что ему придется наверстать упущенное. Но Трэвису было все равно. С него сняли все обвинения, и эта неприятная глава в его жизни официально закончилась.

В качестве бонуса, теперь он знал, что лейтенанта Блэкстоун зовут Энн.

Его возвращение в Кейси-Роузвуд прошло без фанфар. Старший сержант, который зарегистрировал его, вручил ему его повседневную форму и приказал ему идти, принимая его парадную форму без комментариев после того, как Трэвис переоделся. Он присоединился к своему взводу в середине презентации по физике термоядерных реакторов, и с этим утреннее приключение закончилось.

Позже, в казарме, Чавка спросил его о встрече с Массингилл, о том, что было утром в суде и поблагодарил его за то, что он сделал так, что изменилась продовольственная политика столовой. Возражения Трэвиса о том, что он абсолютно ничего не сделал, были в итоге отклонены, и Чавка объявил себя другом Трэвиса на всю жизнь.

К счастью, более никто во взводе, казалось, не был склонен смущать Трэвиса незаслуженной похвалой. На самом деле, казалось, что остальные едва заметили два отсутствия Трэвиса, не говоря уже о том, где он мог быть.

И все же в течение следующих нескольких дней Трэвис заметил некоторые тонкие изменения в атмосфере вокруг него. Наполовину насмешливый, полусаркастический тон, который всегда сопровождал прозвище Трэвиса Законник, исчез, прозвище звучало теперь просто иронично или, иногда, даже дружелюбно. Новобранцы иногда все еще теряли терпение, когда Трэвис настаивал следовать процедуре без срезания углов, но и близко не было прежнего презрения или насмешек за спиной. Некоторые из них даже сами пытались, по крайней мере какое-то время, более тщательно следовать процедуре.

Но даже когда Трэвис почти начал расслабляться, он заметил, что слово пародия(трэвести) вкрадывается в повседневный разговор.

Он так и не понял, было ли слово нацелено на него и его ненавистное прозвище. Он никогда серьезно не пытался это выяснить. Если это было подкоп под него, его лучший выбор был игнорировать это. Если это было просто слово, которое взвод подхватил, услышав, что сказал Функ, то Трэвис тоже не хотел привлекать к себе внимание.

Кроме того, сейчас все, что имело значение, было вернуться к тому, чтобы стать частью КФМ. Если ценой этого была какая-то раздражающая игра слов, он готов был ее заплатить.

Через четыре недели все внезапно кончилось.

В последний раз новобранцы прошли через выпускные тренировки и марши. Им выдали парадную форму и научили ее носить.

И в ясное, свеже утро перед полковником Массингилл и дюжиной других, незнакомых Трэвису, мужчин и женщин, новобранцы были официально введены в состав Королевского Флота Мантикоры.

Все кончилось. Или вернее, все только начиналось.

Космонавты - уже не новобранцы, а космонавты третьего класса - были переведены из казарм и тренировочных полей в южной части Кейси-Роузвуд по их новым назначениям в такие же простые казармы и более специализированные учебные классы в северной и западной частях базы. Трэвис был назначен обучаться на импеллерного техника, и вскоре среди новых космонавтов появилась шутка: если неисправный узел импеллера застрянет на месте, он может просто уговорами заставить его выполнять свою работу должным образом.

Но как-то шутки перестали иметь значение. Трэвис сделал это. Он был в Королевском Флоте

Мантикоры и его будущее лежало перед ним.

Каким бы ни было это будущее, он был полон решимости максимально использовать его.

http://tl.rulate.ru/book/26934/561919